

**Военные
Приключения**

СЕКРЕТНЫЙ СОТРУДНИК

СЕРГЕЙ БОРТНИКОВ

Сергей Иванович Бортников
Секретный сотрудник
Серия «Военные приключения»
Серия «Ярослав Плечов», книга 1

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34340746

Сергей Бортников. Секретный сотрудник: ООО «Издательство «Вече»;

Москва; 2017

ISBN 978-5-4444-8985-7

Аннотация

Сентябрь 1944-го... Выходит из проигранной войны Финляндия, и фашистские части с ужасом ждут неминуемого наступления Красной армии. В эти дни уходит во вражеский тыл группа лейтенанта Сергея Ломова – разведчикам предстоит выполнить ответственное задание командования. Совсем другие интересы влекут в эти неприветливые северные края американского бизнесмена Ланге...

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СТАНОВЛЕНИЕ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Бортников
Сергей Иванович
Секретный сотрудник

© Бортников С. И., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

ОТ АВТОРА

Дорогие друзья!

Те из вас, кто уже знаком с моими предыдущими произведениями, где выдуманные события тесно переплетаются с реальностью, непременно попытаются установить, кто же на самом деле скрывается за личностями главных героев...

Но на этот раз я решил немного отступить от своих творческих принципов...

Ярослав Плечов – персонаж, от начала до конца выдуманный автором. А профессор Фролушкин – образ собирательный. В нём есть что-то от моих кумиров – философа Алексея Фёдоровича Лосева и писателя Григория Петровича Климова (поэтому вам покажутся знакомыми некоторые суждения), но не более того...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СТАНОВЛЕНИЕ

1

Ярослав явился на Лубянку не просто так (впрочем, из праздного любопытства в это мрачное заведение давно никто ходит).

Вчера на открытой лекции в недавно «отпочковавшемся» от МГУ Московском институте философии, литературы и истории (МИФЛИ), где он имел честь обучаться по направлению командования Рабоче-крестьянского красного флота, профессор Фролушкин фактически разнёс в пух и прах «Краткий курс по истории ВКП(б)», точнее, его основополагающую четвёртую главу «О диалектическом и историческом материализме», написанную, как поговаривают, лично товарищем Сталиным.

Нет конечно же доносить на своего преподавателя не очень прилично, но и оставлять без внимания столь вопиющий факт очернительства советской действительности свежеиспечённый член партии большевиков попросту не имел права...

Электрический свет в просторном коридоре был слишком слаб и тускл. Поэтому ранний посетитель, страдавший на-

чальной формой близорукости, едва не врезался в долговязого парня в новенькой униформе, замешкавшегося у двери одного из кабинетов.

Серьёзного столкновения, к счастью, удалось избежать – он только задел слегка потрёпанный кожаный портфель, впрочем, так и не выпавший из тощих длинных рук, после чего не замедлил принести незнакомцу свои искренние извинения...

В ответ ожидал чего угодно: от матов до тумачков, однако служивый неожиданно полез целоваться:

– Тёзка, родной, какими судьбами?!

С трудом освободившись от удушающих объятий, студент снял очки, аккуратно протёр платком их стёкла и напялил на прежнее место...

Перед ним стоял бывший голкипер футбольной команды «Моряк» Северной военной флотилии, в которой они вместе играли несколько лет.

Между прочим, тогда их часто путали: первый номер – вратарь Пчелов, второй – защитник Плечов или, может, наоборот? Да ещё оба Славки!

– Ты что здесь делаешь? – еле смог выдавить перепуганный очкарик.

– Работаю! То есть служу...

– Кем, если не секрет?

– Оперуполномоченным спецотдела... Тьфу ты чёрт, де-

вятого отдела ГУГБ НКВД СССР¹ – никак не могу привыкнуть, только вчера нас в очередной раз переименовали и пронумеровали... Так что – разрешите представиться... Лейтенант госбезопасности Пчелов Вячеслав Васильевич, – сухим, казённым слогом отрапортовал офицер и напоследок привычно полюбопытствовал: – А вы, какими судьбами, дорогой товарищ?

– Дело есть! Между прочим, особой государственной важности...

– Мы другими и не занимаемся! Так что ты того... погодь немного, я только отдам начальнику отчёт и буду свободен, словно птица в полёте... Закроюсь у меня в кабинете, посидим, поболтаем, вспомним, так сказать, славную флотскую молодость!

– Слушаюсь, товарищ лейтенант!

2

Пчелов и вправду долго не задержался.

Ровно через пять минут, пятясь, он покинул кабинет своего непосредственного начальника... Потный, с покраснев-

¹ Главное управление государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел Союза Советских Социалистических Республик... Ещё несколько лет тому назад я бы ни за что не поверил, что вскоре может наступить время, когда придётся «разжёвывать» для некоторых граждан столь распространённую аббревиатуру. Особенно это касается молодого поколения на Украине – стране, где я родился и прожил всю свою жизнь. – *Здесь и далее примечания автора.*

шимся лицом и уже без портфеля.

– Эх... Засадил мне Глеб Иванович клизму по самое горло, – откровенно признался Пчелов ожидавшему в коридоре товарищу. – Что ж, сам виноват: запорол «косяк», теперь вынужден расхлёбывать по гроб жизни...

Ярослав не ответил ничего. Просто промолчал.

Время такое. Много будешь знать – скоро сгинешь.

– Ну и хрен с ним, – продолжал его бывший сослуживец. – Давай ко мне, угощу тебя хорошим чаем.

– С удовольствием... А то я уже забыл его вкус. Сам понимаешь, то, что подают в нашей студенческой столовой, иначе, как мочой, назвать нельзя...

– Не брюзжи, старина! Светлое будущее не за горами...

– А вот профессор Фролушкин считает...

– Да пошёл он к ядрёной бабушке! Гляди, какие у меня «хоромы» – развернуться, блин, негде... Ты бочком входи, бочком. Посиди немного на моём месте – почувствуй, так сказать, собственной задницей, каково оно – круглосуточно пребывать в чекистской шкуре!

– Спасибо.

– А я пока к шефу сбегая – за «бульбулятором»...

– За чем?

– Так мы называем электрокипяtilьник...

– Что?

– Долго объяснять... Принесу – увидишь! – Пчелов махнул рукой на бывшего сослуживца, безнадежно отставшего

от новейших достижений технического прогресса, и вышел прочь.

3

У всё той же двери с новенькой табличкой «Начальник 9-го отдела ГУГБ НКВД СССР товарищ Бокий Г.И.», Пчелов остановился, огляделся по сторонам и, не заметив ничего подозрительного, шмыгнул за тяжёлую дверь.

– Можно, товарищ комиссар третьего ранга?

– Ты, как всегда, сначалаходишь, а только затем спрашиваешь разрешения... – блеснув из-под высокого чела бездонными коричневыми глазами, обычно не выказывающими никаких эмоций, в шутливо-ироничной, можно сказать, даже издевательской манере бросил поджарый, сухощавый мужчина, отставляя в сторону развёрнутую газету с текстом новой Конституции². – На самом интересном оторвал!

– О чём вы, Глеб Иванович?

– Об основном законе Страны Советов, текст которого ты обязан был выучить наизусть ещё на прошлой неделе!

– Так я стараюсь... Учу... И днём, и ночью, – неуверенно пробормотал лейтенант.

– Тогда процитируй статью сто двадцать седьмую...

² Конституция СССР, которую в народе тут же нарекли «Сталинской», была принята 5 декабря 1936 года 7-м Всесоюзным съездом Советов. На следующий день её текст опубликовали в газете «Известия».

– Ну... В ней... В общем...

– Не в общем, а предельно точно. Строго по тексту!

– Эта статья гарантирует всем советским людям...

– Не гони пургу... Если не помнишь – так и скажи! Без обиняков, прямо...

– ...Свободу печати, собраний, митингов, шествий, демонстраций...

– Да... Всё в одну кучу смешал... Это статья десятая. А сто двадцать седьмая...

– Вспомнил... Там идёт речь о неприкосновенности личности...

– Ладно... Повторяю... Для особо одарённых... «Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора». Понятно?

– Так точно, товарищ комиссар!

– Сиди – и учи. Пока не будешь знать, как «Отче наш» – на глаза мне лучше не попадайся!

– Что вы меня всё время провоцируете, Глеб Иванович? Какой к чёрту «Отче наш»? Я, как и вы, убеждённый атеист!

– Ладно... Не сердись. Я ведь по-доброму тебя журю, можно сказать даже – по-отечески.

– Понял... Разрешите идти?

– Да погоди ты... За чем приходил – помнишь?

– А... Кипятильничек хочу ненадолго одолжить – встретил старого друга, сослуживца по Северному флоту, не мешало бы чайку сварганить.

– Вон там, возьми... на подоконнике.

– Мы с ним, кстати, точно родные братья.

– С кипятильником?

– Нет, с сослуживцем...

– Чего вдруг?

– Я – Пчелов, а он – Плечов, на флоте нас называли – «два сапога пара».

– И что забыл на Лубянке твой «второй сапог»?

– Похоже, хочет сдать своего профессора... С потрохами. Как же его фамилия?.. То ли Фторушкин, то ли Флорушкин... Что у меня сегодня с башкой – сам не понимаю?!

– Может, Фролушкин... Фёдор Алексеевич?

– Похоже на то!

– Интересно... Меня этот великий деятель давно занимает. Так что будем пить чай втроём, если ты не возражаешь, конечно...

– Милости прошу, товарищ комиссар...

– Ридикюль свой, кстати, заberi.

– Что забрать, Глеб Иваныч?

– Портфель, товарищ Рассеянный с улицы Бассейной...³

– Но ведь вы сказали...

– Ридикюль – это дамская сумочка. Такой, чисто бабский, атрибут тебе как нельзя кстати!

– Обижаете, товарищ комиссар!

³ «Рассеянный с улицы Бассейной» – пожалуй, самое популярное произведение Самуила Яковлевича Маршака, увидевшее свет ещё в 1930 году.

– Нет, не обижаю... Просто констатирую сей печальный факт.

4

Наливной трёхлитровый кипяtilьник знаменитой немецкой фирмы «Элтрон», недавно приобретённый в заграничье одним из сотрудников спецотдела и с тех пор путешествующий по надобности из кабинета в кабинет, был немедленно включен в электрическую сеть.

Вскоре вода в нём начала бурлить, то есть булькать и подниматься кверху.

«Вот почему эту штуку назвали бульбулятором» – наконец-то дошло до Ярослава.

Его тёзка и почти однофамилец уже бросил несколько крупных чайнок в каждую из трёх фарфоровых кружек с оригинальным, истинно русским декором. Осталось только залить их кипятком...

Тем временем усталый, измождённый мужчина лет пятидесяти пяти с живыми пронизательными глазами, в сопровождении которого Пчелов только что вернулся в свои, как он говорил, «хоромы», начал странный разговор, больше напоминающий допрос:

- Итак, молодой человек, вы учитесь в МГУ?
- В МИФЛИ... Теперь это отдельное учебное заведение.
- Мечтаете стать философом?

– Так точно!

– Похвально... Похвально, – незнакомец принялся расхваливать по кабинету: два шага вперёд – два назад, больше в тесном помещении сделать не получалось. – Значит, Фёдор Алексеевич опять взялся за старое?

– О чём вы, товарищ...

– Комиссар третьего ранга Бокий. Начальник этого оболтуса и всего девятого отдела.

– О-о-очень приятно, – услышав легендарную фамилию, начал заикаться посетитель. – Студент четвёртого курса Плечов. Ярослав... Иванович...

– Он, кстати, также родом из Белоруссии, как и Фролушкин, – важно надув щёки, поспешил продемонстрировать свою осведомлённость лейтенант.

– Итак, вы утверждаете, что профессор критикует идеи нашего вождя? – никак не отреагировал на реплику подчинённого Глеб Иванович.

– Да! На прошлой лекции он вообще умудрился оплевать «святая святых» – четвёртую главу «Краткого курса по истории ВКП(б)» – ту самую, что больше известна под названием «О диалектическом и историческом материализме»...

– Здесь собрались далеко не дилетанты... Поэтому постарайтесь быть кратким и предельно точным в формулировках, дорогой товарищ. У нас и так хлопот – по горло!

– Понимаю...

– И в чём, по вашему мнению, выразилось его неприятие

Сталинского учения?

– Во всём!

– Подробней, пожалуйста!

– Профессор имел претензии к каждому предложению, каждой строчке, и я, как член ВКП(б)...

– Перечислите конкретно, по пунктам.

– Пожалуйста... Как учит товарищ Сталин, ссылаясь, между прочим, на «Манифест Коммунистической партии» самого Карла Генриховича Маркса: «Пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединится в класс... и в качестве господствующего класса силой упразднит старые производственные отношения»... А товарищ... господин Фролушкин утверждает, что силой ничего добиться нельзя...

– Да, это серьёзно... Ведь тот же товарищ Маркс в своей работе «Капитал», доказал, что именно «насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым»... Ты записывай, Вячеслав Васильевич, записывай, а не хлопай ушами...

– Слушаюсь! – безучастно проронил лейтенант, лениво водя карандашом по листу бумаги.

– И про чаёк, между прочим, не забывай. Лей, не стесняйся! Кипятку жалеть не надо!

– Сахарок давать?

– А как же!

– Но вы послушайте дальше! – продолжал студент, время от времени похлёбывая ароматный и очень горячий на-

питок. – Он подверг сомнению даже главный вывод Иосифа Виссарионовича. О том, что в будущем «пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, то есть пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил...»

– Это вы по памяти процитировали?

– Да!

– Похвально... Теперь понимаете, товарищ лейтенант, на каком уровне надо владеть первоисточниками?

– Так точно! – понурил голову Пчелов.

– Так вот, – неугомонно тархтел его бывший сослуживец. – В ответ на это профессор издевательски заметил, что на объективные законы природы силой влиять невозможно... Что существование общественно-политических формаций, о которых твердит марксистско-ленинское учение, на самом деле чушь, фигня на постном масле, простите за выражение...

– Это опять Фролушкин?

– Ну не я же?

– Эко как его понесло! Впрочем, Фёдор Лексеич и раньше не особо отличался деликатностью... Чего только стоит его тезис о том, что человеческое общество развивается не по указке Маркса – Энгельса, а по велению Господа! Не зря же

мы дали ему кличку – Познавший Бога.

– А вы знакомы с ним лично?

– Да... С давних, дореволюционных, между прочим, времён...

– И сколько ещё мы будем терпеть эти буржуазные происки, а, товарищи?

– Недолго! – Бокий врезал кулаком по поверхности стола, так, что его нетронутая чашка подпрыгнула и выплеснула часть своего содержимого наружу. – Вставай... Пойдём к Николаю Ивановичу – расскажешь с самого начала свою историю! А ты, Славка, останься... Учи матчасть – проверю!

5

Тщедушный человечек с маленькой головой, над которой возвышалась высокая копна зачёсанных назад непослушных густых волос, призванная хоть немного сгладить шокирующее впечатление, непременно производимое на посетителей его чрезвычайно низким ростом, казался муравьём на фоне широченной и высоченной спинки дореволюционного буржуазного кресла с лакированными подлокотниками, от которых он и не думал отрывать свои короткие, но пухленькие ручонки.

Блеклые, серые, постоянно бегающие глазки с лёгкой, едва заметной, изумрудинкой, глядели на вошедших совершенно безучастно, как на тараканов, которых в любой мо-

мент можно прихлопнуть.

– Это – товарищ Плечов Ярослав Иванович, – поспешил представить своего молодого спутника Бокий. – Член ВК-П(б), бывший краснофлотец, а ныне студент Московского института философии, литературы и истории.

– Здравия желаю! – ни к селу ни к городу брякнул Слава, при этом зачем-то кивнув подбородком.

Впрочем, хозяин апартаментов всё равно не обратил на него внимания и обратился исключительно к коллеге-чекисту:

– Чего он хочет?

– Жалуется на своего преподавателя... «Познавшего Бога»... Помните, я вам как-то уже докладывал?

– На Фролушкина?

– Так точно.

– Вот и отведи его в секретно-политический отдел. Пусть даст показания! А то сразу к наркому... Ты его ещё б в Кремль приволок!

– У меня возникла идея использовать Плечова в качестве личного агента!

– И на хрен он тебе дался?

– Здесь есть один нюанс...

– Говори!

– Товарищ студент, выйдите ненадолго, я вас позову, если понадобится...

– Есть!

Ярослав лихо развернулся через левое плечо, как его учили на Красном флоте, и чуть ли не строевым шагом рванул прочь из кабинета.

– Дело в том, что они с профессором Фролушкиным – земляки. Белорусы, – оставшись наедине с наркомом, заговорщически сообщил Глеб Иванович.

– Какое отношение это имеет к делу? – Ежов встал (точнее – прыгнул) с высокого кресла и снизу вверх брезгливо уставился в карие глаза товарища Бокия, уже начинавшего его раздражать.

– Самое что ни на есть непосредственное, – ухмыльнулся тот. – Как я вам докладывал, Фёдор Алексеевич лучше других знает историю Несвижского замка... Или вы решили прекратить поиск золотых апостолов?

– Нет-нет, что ты... Это одна из главнейших задач твоего отдела!

– Вот поэтому я и хочу сделать из этого студента секретного сотрудника, нашего с вами личного агента у тела дражайшего Фёдора Лексеича... Думаю, как земляки да ещё коллеги-философы, они быстро найдут общий язык...

– Ладно. Оформляй.

6

Плечов словно прилип к холодной стене напротив двери кабинета, из которого он вышел несколько мгновений тому

назад. Ибо только сейчас заметил, что на ней написано: «Народный комиссар внутренних дел товарищ Ежов Николай Иванович».

«Мать честная, как высоко меня занесло! Ох, и больно же придётся падать, если что-то пойдёт не так...»

Бокий вернулся только четверть часа спустя.

– Пошли! – бросил небрежно и поплыл по длинному коридору в направлении своего кабинета, не оглядываясь и не следя за тем, выполняет тот, кому предназначалась команда, её или нет.

Куда он теперь денется?

Уже не прыгнуть, не отвертеться...

Выбора не осталось.

Ярослав быстро «подмахнул» все необходимые бумаги и преданно уставился в глаза своего будущего куратора.

– С этой секунды будешь состоять на связи лично у меня, – подвёл черту тот. – И чтоб ни одна собака не узнала о твоей тайной миссии. Ни мать, ни отец, ни братья-сёстры, ни жена, ни друзья, в том числе, Пчелов... Всё ясно?

– Так точно! Эх, как всё-таки славно, что я сирота!

– Круглый?

– Круглее не бывает! – расцвёл добродушной улыбкой Ярослав, впервые в жизни радуясь своему абсолютному одиночеству. – И супруги у меня нет и даже невесты! Только де-

вушка, которая пока никак не реагирует на мои ухаживания.

– Это несомненный плюс для службы в нашей конторе, – по-отечески потрепал его давно не чёсанную рыжую шевелюру Глеб Иванович. – Вот возьми, на первое время хватит, – он достал из открытого сейфа пачку новеньких рублей, переполовинил её и вложил часть хрустящих купюр в руки оторопевшего студента. – Да... И распишись, вот здесь, пожалуйста!

Плечов оставил размашистый автограф внизу листа бумаги, – там, где чьей-то рукой цифрами и прописью загодя была выведена довольно внушительная по тем временам сумма, и только затем бережно упаковал денежки во внутренний карман куцега пальтишко, которое он так и не удосужился снять.

– Когда следующая встреча? – любопытствовал деловито, мысленно прикидывая грядущие прибыли.

– Завтра в десять утра. В Тайницком саду...

– В режимной зоне?

– Да. Подальше от посторонних глаз!

– Как же я туда попаду?

– Легко, – в очередной раз выдавив любимое словцо, Боккий запустил руку в выдвижной ящик стола и достал оттуда обычную открытку с видом Кремля. Поставил на её обороте дату: 27.12.1936, время 10.00–12.00 и шлёпнул печать. – Вот твой пропуск. Вход со стороны Ивановской площади? Всё ясно?

– Так точно, товарищ комиссар!

7

Плечов уже толкнул тяжёлую дверь и ступил одной ногой на заснеженную улицу, впуская потоки холодного воздуха в просторное фойе, в котором и без того дрожал от стужи дежурный офицер в летней униформе, когда услышал сзади окрик:

– Постой!

Это его бывший сослуживец на всех парах летел вниз по центральной лестнице, пытаясь на ходу надеть длинное пальто с каракулевым воротником. Догнал, обнял за плечи...

– Ну что, идёшь к нам на службу? – между делом поинтересовался, следуя за товарищем в сторону Сретенских ворот.

– Нет, конечно... Мне ведь ещё надо закончить институт.

– Странно... А я думал, что Глеб Иванович непременно предложит тебе...

– Предлагал, но я отказался.

– Зря, тёзка... Зря... Отказываться в нашем ведомстве не принято!

– Понял. Приму к сведению!

– Ты куда сейчас?

– Домой. То есть в общагу.

– Мне тоже в ту сторону.

– Ещё признайся, что тебе известно, где она находится!

– Конечно, брат... Я, по долгу службы, и не такие подробности обязан знать. Ладно, садись – после разберёмся! – он чуть ли не силой затолкал оторопевшего студента на заднее сиденье основательно покрытой инеем новенькой «эмки»⁴, одиноко мёрзнувшей на недавно организованной стоянке такси.

– Вам куда? – поворачивая к пассажирам холёное, гладко выбритое лицо, услужливо поинтересовался немолодой водитель. – А это вы, Вячеслав Васильевич...

– Я, Паша. Трогай!

– Да мне, в общем-то, недалеко, – неуверенно запротестовал начинающий философ, но быстро набрался важности и, придав голосу немного несвойственного ему металла, громко распорядился: – Давай для начала – на Большой Трубецкой⁵, а дальше – будет видно.

– Слушаюсь!

Машина фыркнула и плавно тронулась с места. Одновременно затрещал-защёлкал таксометр...

– Ух ты, – прямо в ухо старому товарищу восхищённо прокричал Плечов, с интересом созерцавший быстро меняющиеся, словно пляшущие, цифры – такого чуда, равно как

⁴ Автомобиль «М-1» («Молотовский первый») – основной советский таксомотор в 1936–1946 годах. Назван в честь главы правительства СССР (председателя Совнаркома) Вячеслава Михайловича Молотова, чьё имя и носило тогда выпускавшее его предприятие, а именно – Горьковский автозавод.

⁵ Теперь – переулочек Хользунова (лётчика, Героя Советского Союза) в Центральном округе района Басманный города Москвы.

и кипятивильника, ему доселе видеть не приходилось. – Надеюсь, ты не очень разоришься?

– Нет, конечно... Недавно нам значительно повысили денежное содержание... Эх, зря ты не согласился...

– Не всё потеряно, дружище... Может, я ещё передумаю?

8

– Вон там – наше общежитие, – ткнул палец в основательно разукрашенное морозом боковое окно Плечов. – Только до него мы сейчас не доберёмся...

– Это почему же? – насупил густые брови Пчелов.

– Ещё месяц тому назад власть закрыла мост для автомобильного транспорта. Как бы на плановый ремонт... И с тех пор тут никто ничего не делает. Так что придётся ехать в обход!

– Пешком будет проще, быстрее и, что немаловажно, – гораздо дешевле, – добродушно заключил водитель, глуша двигатель и одновременно выключая так понравившийся студенту счётчик. – Вас ждать, Вячеслав Васильевич?

– Нет, Паша, езжай! – лейтенант по-барски швырнул на остававшееся всё время свободным переднее пассажирское сиденье крупную новенькую купюру и привычно добавил: – Сдачи не надо!

– Спасибо! – растроганно пробормотал шофёр, торопливо запихивая банкноту в нагрудный карман по покрою на-

поминающей гимнастёрку рубахи из грубой фланелевой ткани, поверх которой он для проформы накинул лёгкий демисезонный плащ – в салоне, несмотря на лютую зиму, было уютно и тепло.

– А что, разве сегодня в вашем институте выходной? – «забросил наживку» Пчелов, первым ступая на мост, движение пешеходов по которому власть решила не ограничивать.

– Нет... Просто суббота, короткий день, и я решил немного сачкануть.

– Может, тебе, того, лучше повестку на всякий случай написать?

– Зачем? Руководство факультета не возражало! Более того, староста группы лично предложил мне взять отгул...

– С какой стати?

– Новый год на носу...

– Ну и что?

– А кто лучше меня может написать праздничный сценарий? Чтоб и Снегурочка, и Дед Мороз... Волк, Заяц, Лиса, Звездочёт, Снежинки и даже украинка с украинцем в своих национальных костюмах...

– А эти-то, эти-то каким боком?

– Видимо, как прародители нашей славной русской цивилизации.

– Блин, полное сумасшествие... Неужто и ёлка будет? С игрушками?

– А как же... Положено – второй год подряд...⁶

– Ей-богу, не по душе мне эта мелкобуржуазная возня. – Лейтенант скривил рот в презрительной ухмылке и тут же затянул популярную песню, стараясь подражать сладостно-му детскому голосочку, что, впрочем, вышло у него вполне естественно и чисто:

В лесу родилась ёлочка,
В лесу она росла,
Зимой и летом стройная,
Зелёная была...⁷

– Круто! – захлопал в ладоши Плечов, поражённый «выдающимися» способностями чекиста.

– Тьфу... Конченное мещанство! – обратился к привычной лексике Вячеслав.

– Зря ты так... Новый год идёт! Что может быть прекрасней?! – удивлённо пожал плечами впечатлительный студент.

– Ничего против Нового года я не имею. Просто не хочу, чтобы гнилые старорежимные традиции перестраивали на новый лад, подменяя ими истинные советские ценности!

– Нельзя так, Слава...

⁶ Официально разрешили наряжать елки в общественных местах под Новый год только в 1936 году.

⁷ «В лесу родилась ёлочка» (музыка Леонида Карловича Бекмана, слова Раисы Адамовны Кудашевой) – рождественская песня, написанная в начале двадцатого века. В СССР она стала новогодней.

– Как?

– Я тоже двумя руками за нашу родную рабоче-крестьянскую власть... Однако полное отрицание всего того доброго, хорошего, что было в России на протяжении последних сотен, нет, тысяч лет, считаю неправильным, вредным и даже аморальным!

– Ишь как запел... Выходит, ты не согласен с утверждениями авторов «Интернационала»?

– Это почему же?

– А как же тогда: «Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим»...

– Ну...

– И не нукай... Отстаивая старые традиции, ты уподобляешься тем лжеучёным, которые настойчиво хотят вернуть нас в прошлое... Как тот же Фролушкин, мнящий из себя великого философа, у которого на всё есть свой собственный ответ, практически всегда отличный от мнения рабоче-крестьянского большинства! Ещё скажи, что тебе по нраву такое поведение!

– Ну что ты несёшь? Разве так можно?

– Можно, дорогой мой друг, можно... Посему как мне лично гораздо ближе следующее утверждение. – Пчелов закатил под лоб раскосые глаза и бойко, без единой заминки, продекламирровал:

Скоро будет Рождество —

Гадкий праздник буржуазный,
Связан испокон веков
С ним обычай безобразный:
В лес придет капиталист,
Косный, верный предрассудку,
Елку срубит топором,
Отпустивши злую шутку...

– Это ты сам написал?

– Нет, Валентин Иванович Горянский, настоящая фамилия которого – Иванов. Ещё в 1919 году...

– Что-то я не припомню такого поэта...

– Он эмигрировал. Сначала – в Югославию⁸, а потом и вовсе – в Париж.

– Теперь понятно... А где ты откопал его стихи?

– В архиве... Имею доступ.

– Ясно...

– Но ты ещё окончания не знаешь.

– Просвети неуча!

Тот, кто ёлочку срубил,
Тот вредней врага раз в десять,
Ведь на каждом деревце
Можно белого повесить!

⁸ Так называемая «Первая Югославия» существовала с 1918 по 1946 год. Именно эта балканская страна поначалу приютила наибольшее количество «белых эмигрантов», основавших только в Сербии свыше 200 колоний.

– Погодь... Это что же выходит? Что он попросту издевается над нами?

– Похоже на то.

– Вот сволочь! Получил по зубам – и дальше клеветет. Нет, всё-таки правильно, что наши отцы в своё время очистили страну от этой скверны.

– Очистили? Кто тебе такое сказал? Оглядишься по сторонам... Кругом одни вредители, враги народа! Мы их хватаем-хватаем, сажаем-сажаем, стреляем, словно чумных крыс, а они не переводятся. Прут и прут. Лезут и лезут. Ну, не хотите жить в Стране Советов – валите молча на свой вождьделенный Запад, не мешайте нам строить светлое коммунистическое завтра.

– Как они свалят, если граница на замке?

– Какать захочешь – штаны снимешь...

– Согласен!

– Вот совсем недавно часть профессорского состава Воронежского государственного университета не вернулась из заграничных командировок... Всех их наша власть просто лишила права называться советскими учёными – и до свидания! Пусть теперь в частных капиталистических лабораториях, без какого-либо содействия государства, попробуют делать свои выдающиеся открытия!

– Так тоже нельзя, братец.

– Это почему же?

– Стране надо двигаться вперёд. Осваивать новые гори-

зонты в промышленности и сельском хозяйстве, перевооружать доблестную Красную армию... Без серьёзного отношения к науке мы обречены топтаться на месте!

– Не согласен. Да, науку поднимать надо... Но это должны делать новые, рабоче-крестьянские кадры. Тем старым, вчерашним, уже ничего не надо. Только выбить финансирование под свои «супергениальные» проекты – и дальше спокойно почивать на лаврах!

– Ну, не совсем так... Зайдёшь?

– Если пригласишь...

– Приглашаю. Хотя – нет. Наша комендантша, тётя Зина, – зверь, а не человек... Умрёт, но не пустит на порог никого постороннего!

– Забыл, что у меня есть волшебная ксива?

– Вот это-то меня и смущает более всего... Представляешь, сколько визга поднимется? «Плечов пришёл в общагу в сопровождении аттестованного сотрудника госбезопасности!» Да после такой выходки мои кости будут перемывать в альма-матер по крайней мере до конца учебного года!

– Возможно... – скорчил хитрую гримасу чекист, протягивая руку для прощания.

9

Ярослав предъявил постовому открытку. Тот мгновенно вытянулся в струнку, козырнул и услужливо толкнул дверь,

ведущую в Большой Кремлёвский сквер...

Бывать в нём студенту ещё не приходилось.

Оказавшись в полном одиночестве на центральной аллее парка, он растерянно глядел по сторонам, не зная, куда следовать далее, но вскоре заметил покатуую спину одинокого прохожего, несколькими секундами ранее отбившего в путь в одном с ним направлении, и бросился вдогонку:

– Вы не подскажете...

– Отчего нет? Подскажу, Слава, подскажу...

Конечно же это был Глеб Иванович Бокий. Сгорбившийся, ссутулившийся и посему выглядевший много старше своих и без того немалых лет...

Его умению перевоплощаться без грима, париков и прочих профессиональных трюков, завидовали многие сотрудники НКВД.

Позже метод возьмёт на вооружение и сам Плечов; вот только на то, чтобы в совершенстве овладеть им, уйдут долгие годы...

– Ну, рассказывай, – удобно расположившись посередине недавно выкрашенной, но уже высохшей скамьи, произнёс чекист.

– О чём? – удивлённо пожал плечами студент, скромно приманиваясь слева от своего куратора.

– Как ты до такой жизни докатился?

– Какой, товарищ комиссар?

– Чтобы доносить на своего преподавателя... Да ещё и

земляка!

– А разве Фёдор Алексеевич тоже родом из Белоруссии?

– Да.

– Простите, не знал!

– А если б знал, то не пришёл на Лубянку, а?

– Ну, почему же?.. Какой-то личной неприязни к Фролушкину и, следовательно, причин желать ему зла у меня нет – это правда. Но и оставлять без внимания чьи бы то ни было антисоветские выпады я не намерен!

– Молодец! С этой минуты, как и договорились, будешь работать лично на меня... Ясно?

– Не совсем... Я намерен служить своей Отчизне, родному рабоче-крестьянскому государству, а никак не отдельной личности! Даже такой крупной...

– Да не волнуйся ты так... Кстати, как тебя кормилица в детстве величала?

– Ярек, Яра... Я родился в Минске 23 августа 1911 года... Тогда в этом городе проживало множество поляков, как у нас говорили – ляхов, и мама, между прочим, представительница одного из самых славных и древних белорусских родов – Кухарчик её девичья фамилия, стала звать меня на чужой манер...

– Значит, Яра?

– Так точно!

– Теперь это твой оперативный псевдоним, о существовании которого никто не должен знать.

– Понял.

– Запомни: быть секретным сотрудником в нынешнее время – не просто и... небезопасно! Внутри страны обострилась классовая борьба. Враги народа, словно тараканы, повывлазили из всех щелей и пытаются сорвать построение социализма... Чтобы своевременно выявлять, а, значит, и пресекать их подлые замыслы, сил аттестованных сотрудников явно недостаточно, вот мы и вынуждены прибегать к услугам сознательных граждан из разных социальных групп, в том числе и студенчества. Надеюсь, ты не против?

– Никак нет!

– Я лично ходатайствовал перед руководством о том, чтобы взять тебя на довольствие и в то же время вывести за пределы штатного расписания.

– Спасибо...

– Встречаться будем раз в неделю на этом же месте... По пятницам, в 14.00...

– Сегодня двадцать седьмое, воскресенье... В пятницу – первое – Новый год, Глеб Иванович.

– Тогда по средам... Если наша лавка вдруг окажется занятой – пересядешь на следующую в этом же ряду и прождёшь ровно четверть часа.

– А если вы не придёте?

– Значит, на то нашлась уважительная причина... Волноваться по такому поводу не следует. Просто потерпишь лишних семь дней...

– Понял.

– Появляться на Лубянке тебе нельзя... Лишь в случае крайней нужды, ежели таковая, конечно, возникнет, можешь позвонить на этот номер. – Бокий достал из внутреннего кармана пальто обычный календарный листок, на котором карандашом были выведены несколько цифр, после чего изорвал его в мелкие кусочки и отправил в стоящую справа от скамьи мусорную урну. – Запомнил?

– Так точно.

– Представишься: «Яра» – и назовёшь время, например, семнадцать ноль-ноль, оставив зазор в два часа, чтобы я смог добраться до места встречи.

– Понял.

– Вот тебе постоянный пропуск. – Бокий протянул открытку всё с тем же Кремлёвским пейзажем, среди которого красовался штамп с трудно различимой аббревиатурой (позже Плечов много раз будет рассматривать её через лупу, но так и не поймёт, к какому учреждению имеет отношение эта, как он в мыслях окрестил, «абэвэгэдэйка»).

– Спасибо...

– Ежели же со мной что-то случится, и мы не сможем свидеться в течение трёх недель – спокойно наслаждайся жизнью, пока тебя не найдёт мой преемник...

– Как я его узнаю?

– Он скажет: «Здравствуй, Яра». А после того как ты в произвольной форме ответишь на приветствие, представит-

ся: «Тебе привет от Горняка». Так меня ещё при царе Горохе окрестили филеры тайной полиции. Теперь эту кличку мало кто помнит...

– Понял.

– У тебя три главные задачи. Первая: внедриться в ближайшее окружение Фролушкина и выяснить, как он на самом деле относится к марксистско-ленинскому учению; вторая: что, в его понимании, означает «познать Бога» и почему профессор решил, что уже достиг цели... И третья, может быть, самая главная... О ней – подробнее. Так что напряги мозги, дорогой товарищ!

– Я весь внимание.

– Фёдор Алексеевич родился в Несвиже...

– Знаю такой город. Сейчас он в составе Речи Посполитой.

– Не перебивай... Именно там находится родовая усыпальница князей Радзивиллов, славных представителей одного из самых богатых родов Великого княжества Литовского... Поговаривают, что в их владении оказалась одна из главных святынь христианского мира... Точнее, не одна, а целых тринадцать! Ты об этом ничего не слыхивал?

– Нет...

– Речь идёт о статуях Христа и двенадцати апостолов. В полный рост. Из чистого золота.

– Вот это да!

– Хотя некоторые исследователи уверены, что реликвия давно утеряна... Так это или иначе – всё равно больше, чем

Фролушкин, об этом деле никто не знает. Ты должен выведать всё, слышишь всё, что ему известно о сокровищах Радзивиллов. Именно такое задание поставил перед нашим отделом сам...

– Я постараюсь! – еле выдавил студент, моментально догадавшийся, о ком идёт речь.

10

Сразу после тайной встречи с Бокием Плечов отправился... нет, не в родное общежитие, а в институтскую библиотеку, даже в воскресенье не запирающую свои двери для честной студенческой братии. Единственной выходной у её сотрудников, в том числе и Оленьки Фигиной, к которой Ярослав не очень успешно подбивал клинья весь уходящий год, наступит только завтра...

Свободных мест в читальном зале не оказалось, и ему пришлось торчать несколько минут в битком набитом людьми переходе из одного помещения в другое, – предбаннике, как шутливо называли его студенты...

– Следующий! – спустя четверть часа откуда-то издали донёсся знакомый звонкий голос.

– Подойди ко мне... – тихо бросил Плечов, поравнявшись с одной из двух дежурных библиотекарейш – милостивой брюнеткой лет двадцати с немного смешными, не очень опрятными косичками, и неспешно побрёл в направлении освобо-

дившегося столика – последнего в правом ряду.

– Ну что ещё ты хочешь? – наконец-то соизволила исполнить просьбу надоедливого клиента дражайшая (и строжайшая) Ольга Александровна. – Мы же договаривались: встречаться только вне служебных помещений.

– Я по делу.

– Да знаю я твои дела, знаю... Всё учреждение над нами насмехается...

– Это почему же?

– «Опять твой пришёл... Будет глядеть в книгу, а видеть Фигу»...

– Но не я же наградил тебя такой дурацкой фамилией?

– Дурацкой?

– Ну прости, прости... Вот поженимся...

– Да ты сначала институт закончи, устройся на работу, получи жильё...

– Всё будет. Пойдём сегодня в кино?

– Посмотрим.

– В «Колизее» снова крутят твоих любимых «Весёлых ребят». Так сказать, по многочисленным просьбам трудящихся. Пошли, а?

– Сказала – посмотрим. Давай делай заказ... Забыл, я на работе?

– Меня интересует Несвиж – городок в Западной Белоруссии. Тащи все книги, в которых он хоть как-то упоминается!

– Как ты себе это представляешь?

- Не знаю. Поройся в каталогах, переверни вверх дном все фонды, запасники...
- Что мне за это будет?
- Шоколадка.
- Одна?
- Целый набор, если согласишься пойти в кино.
- Вот что значит один раз продемонстрировать мужчине свою слабость! Теперь он будет пользоваться этим до конца жизни. Что ж... Ладно... Пять плиток «ЗИС-101»⁹, и я согласна...

11

Ольгины старания не прошли даром. После долгих поисков в одном из заброшенных уголков студенческого книгохранилища ей удалось обнаружить две худенькие брошюры на польском языке.

В одной из них рассказывалось о происхождении знатного рода Радзивиллов, в другой речь шла о Несвижском замке, где и находилась интересующая Плечова резиденция сановников.

За полчаса Ярослав выучил их содержание наизусть.

Итак...

⁹ Знаменитый шоколад московской фабрики «Рот Фронт» выпуска 1936 года не имел никакого отношения к славному детищу советского автопрома – просто на его обёртке был изображён автомобиль «ЗИС-101».

Род Радзивиллов (на белорусском языке – Радзівілы, на литовском Radvilos, на польском – Radziwillowie), как и утверждал Бокий, оказался одним из древнейших (и богатейших) в Великом княжестве Литовском.

Его девиз – «Bog nam radzi» («Нам советует Бог»).

Общий герб – три охотничьих трубы в золотой оправе на лазоревом щите; в нашлаемнике над короной – семь страусовых перьев.

Первым официальным носителем фамилии стал Николай I Радзивилл Остик (умер в 1477 году), принявший христианство и оставивший литовское языческое имя в качестве фамилии.

В 1518 году Радзивиллы (в лице князя Миколая III, прозванного за пропольскую позицию «amog Poloniae» – любовь Польши) получили титул князей Римской империи.

К тому времени они уже владели огромными территориями Белоруссии (городами и местечками Геранёны, Давид-Городок, Клецк, Койданово, Копысь, Лахву, Мир, Несвиж, Чернавчицы, Щучин) и Литвы (городами Кедайнйяй, Дубингяй, Биржай да множеством деревень).

Вскоре к ним добавилась и территория Слуцкого княжества, отошедшая от всем известных Олельковичей...

Но не всё так просто.

В одной из книжиц, где помимо всего прочего приводились легенды того времени, любознательный студент обнаружил ещё несколько разных, порой взаимоисключающих вер-

сий о происхождении знатного рода.

Одна из них гласила, что его зачинателем является литовский боярин Сирпутый, чей уже упомянутый сын Остик крестился под именем Кристин и в 1419–1442 годах служил «каштеляном виленским».

Мол, в то время и родился у него сын Радзивилл...

Другая утверждала, что род происходит из высшего жреческого сословия языческой Литвы, а его первым известным представителем является жрец Лиздейка. Будто бы как раз у него родился сын Сирпутис (Сирпуть), что позже женился на княжне ярославской, от брака с которой и появился на свет сын Войшунд, крестившийся под именем Христиан...

В общем, факт, как говорится, налицо – только интерпретация совершенно разная.

Однако более всего Плечова заинтересовали не обстоятельства возникновения древнего рода, а коротенькое упоминание о привидении, якобы обитавшем в Несвижском замке – этому феномену было посвящено всего лишь несколько строк во второй брошюрке.

Неизвестный автор на полном серьёзе утверждал, что это – призрак Барбары, возлюбленной польского короля Сигизмунда Августа и дочери... Юрия Радзивилла!

Также из текста следовало, что братья Барбары – родной Николай Рыжий и двоюродный Николай Чёрный – смогли даже тайно обвенчать сестру с наследником польского престола.

Дальше – больше!

В 1548 году Сигизмунд Старый умер.

Сигизмунд Август взошел на трон и потребовал признать свою супругу польской королевой. Но этому неожиданно воспротивилась его мать – Бона Сфорца...¹⁰

7 мая 1550 году в Кракове Барбару всё же короновали, но вскоре она заболела и 8 мая 1551 года неожиданно скончалась.

Полагают, к этому приложила руку могущественная Бона.

Однако Сигизмунд, безумно любивший Барбару, не смог смириться с невосполнимой утратой и вскоре решил вызвать дух покойной супруги. Естественно, при помощи алхимиков и магов...

По закону жанра во время спиритического сеанса он ни в коем случае не должен был касаться фантома, но не удержался – протянул навстречу любимой руки... В тот же миг в комнате что-то взорвалось, и присутствующие явственно ощутили гнетущий трупный запах...

Говорят, что с тех пор призрак не может найти себе покоя. Как правило, он появляется в Несвижском дворце ночью, в первом часу, и предупреждает о грядущих бедах...

На впечатлительного студента эта история произвела неизгладимое впечатление...

В ту ночь Плечову впервые привидится метущаяся фигу-

¹⁰ Подробней о судьбе самой королевы Боны читайте в третьей части романа Сергея Бортникова «Брусиловская казна». М.: Вече, 2014.

ра красивой молодой женщины, которую он, почему-то облачённый в тяжёлые княжеские доспехи, попытается обнять, но, когда, наконец, достигнет цели, изображение вдруг развееется, и он проснётся, явственно ощущая невыносимый запах вони...

С тех пор странный сон будет приходить к Ярославу едва ли не каждую ночь.

Однако мы сильно забежали вперёд...

12

К единственному работающему окошку кассы выстроилась огромная многоликая очередь – в основном из числа трудящейся молодёжи. Причём почти все собирались парами.

Отмучившись около часа, Плечов приобрёл-таки два вожделенных билетика на последний сеанс в последний ряд.

Что нам кино, лишь бы в зале было темно...

Трансляция картины закончилась поздно, но Ольга никуда не спешила (помните, – в понедельник у неё выходной!), транспорт не ходил, и Ярослав был вынужден через всю Москву провожать возлюбленную домой, а после – также пешком, возвращаться в своё расположенное неподалёку общежитие.

Поэтому подняться в семь часов утра оказалось совсем непростым, практически непосильным, делом.

Помогли однокурсники и в то же время «сожители» по общей комнатухе: Василий Петров, Владимир Филатенко и Алихан Букейханов.

Последний из них постоянно проживал в семикомнатной квартире на Большом Кисловском переулке у дяди – лидера какого-то влиятельного национального движения, в честь которого его и называли родители, обосновавшиеся в столице недавно образованной Казахской Советской Социалистической республики¹¹, но у влиятельного родственника внезапно возникли очередные серьёзные проблемы с советской властью, и племянник, чтобы не искушать судьбу, решил вернуться на законную жилплощадь в студенческом общежитии, где он был прописан.

Не особо церемонясь, друзья сбросили Плечова с железной кровати и выплеснули на его бедную голову кружку ледяной воды.

Только после этого Ярослав стал собираться на пары.

Опаздывать нельзя... Не дай бог, нарвёшься на старосту группы Николая Альметьева – тот не только прогул в журнале поставит, но и обеспечит добрый подзатыльник...

А рука у Кольки ох как тяжела, как-никак – мастер спорта, призёр первенства Союза по какому-то новомодному виду единоборств, культивируемому с недавних пор на военной

¹¹ Статус союзной республики она получила лишь 5 декабря 1936 года (по Сталинской конституции). До этого существовала Казахская АССР в составе Российской Федерации.

кафедре Московского института физкультуры.

Конечно, можно попытаться «отмазаться», мол, писал всю ночь сценарий... по твоему же заданию, однако, провести Альметьева крайне трудно – тот каждого видит насквозь, любую малейшую неправду чувствует своим большим рабочим сердцем.

Лучше не зарываться, а то вылетишь из института, потом позора не оберёшься!

13

Первую пару Ярослав фактически проспал. Причём – с открытыми глазами.

А когда следом за сокурсниками потянулся на перерыв, то чуть было не столкнулся в коридоре с опиравшимся на лакированную трость высоким, слегка сутулящимся, мужчиной, нижнюю часть лица которого закрывала густая окладистая борода. Это был Фролушкин.

Назвать профессора старцем не поворачивался язык – ему не исполнилось и 57 лет, но для Плечова, как, впрочем, для всей молодёжной аудитории, и такой, не самый «почтенный» возраст казался запредельным.

– Ой, Фёдор Алексеевич, здравствуйте!

– И вы будьте здоровы, – буркнул философ, намереваясь без задержки продолжить свой путь, но навязчивый юноша не собирался так просто отпускать его.

– Простите, ради бога... Хочу представиться. Студент четвёртого курса Плечов, Ярослав Иванович. Имел честь посетить вашу прошлую лекцию.

– Понравилась?

– Очень.

– Приходите сегодня. В актовЫй зал. Начало – в пятнадцать ноль-ноль... А сейчас простите – спешу! Моё почтение! – Учёный отвесил аристократический поклон и, ускорив шаг, скрылся за углом.

– Спасибо! Обязательно буду! – вдогонку ему бросил Ярослав и помчался в буфет за любимыми пирожками с ливером – их всегда подвозили к десяти часам утра...

14

Тесный зал оказался забитым до отказа. Негде яблоку упасть.

Немного опоздавшему Плечову ничего не оставалось, как забиться в отдающий сыростью дальний левый угол и, уткнувшись носом в диковинную колонну, по всей видимости, служащую строительной опорой в этом, основательно поражённом грибок, древнем архитектурном ансамбле, стоя, слушать очередную замечательную лекцию. На сей раз, она была посвящена теме эволюции в природе.

Фролушкина, как всегда, понесло.

С первых секунд своего выступления он взял под сомне-

ние основные принципы «самого передового учения» – диалектического материализма, и выдвинул совершенно чудовищный тезис о том, что в каждом живом существе «непрерывно есть божественное начало», как он выразился – «искра божья», после чего плавно оседлал «любимого конька» – взаимоотношения в треугольнике человек-бог-религия.

Здесь лектор впервые поддержал большевиков, развернувших непримиримую войну с православием. Мол, «неподдельная вера в Творца не имеет ничего общего с религиозностью, навязанной нам кучкой меркантильных попов».

Дальше – больше.

Фролушкин обрушил весь свой пыл на учение Христа. По его мнению, у Господа нет «никакой необходимости в посредниках, в том числе и божьем сыне, ибо все мы – его равноправные дети», ну а о Богородице вообще высказался очень язвительно и, как всегда, кратко: «У Бога не может быть земной матери!»

С теорией Дарвина профессор в принципе согласился (и то хорошо!), но и тут не смог удержаться от «ложки дёгтя», заявив, что не верит в происхождение человека от обезьяны, так как «каждый представитель живой природы может развиваться и совершенствоваться исключительно в пределах своей видовой группы, определённой свыше, иначе из мух давно появились бы слоны, а из мышей – свиньи».

Основные тезисы его теории Ярослав старательно записывал в блокнот – пригодится при составлении первого доне-

сения в контору!

Впрочем, вскоре лекция настолько захватила свежеепечённого секретного сотрудника, что он оставил это неблагодарное занятие.

15

«Бенефис» Фёдора Алексеевича продолжался более двух часов, но студенты не собирались отпускать разошедшегося профессора, предложив ему небольшой философский диспут.

Кто мы?

Кем и с какой целью созданы?

Для чего пришли в этот хрупкий земной мир?

И куда уйдём из него?

Недолго думая, учёный дал согласие.

Плечов не раз тянул руку из своего «медвежьего угла», чтобы задать несколько каверзных (по его собственному мнению) вопросов, но Фролушкин даже при всём своём желании физически не мог заметить и оценить старания затерявшегося в толпе невысокого худощавого паренька, а, следовательно, и предоставить ему слово.

К счастью, в тот день их ждала ещё одна – и снова случайная! – встреча...

Когда Ярослав одним из последних покидал «альма-ма-

тер», то сразу заметил впереди опирающуюся на трость сутулую фигуру и немедленно бросился за ней следом.

– А, это вы... – как-то уж не больно уважительно промямлил Фёдор Алексеевич, повидавший на своём веку немало всяких выскочек и приставал.

– Я. Студент Плечов.

– Ярослав, если не изменяет память?

– Так точно.

– Гм... Служили?

– Да. На Северном флоте.

– Шарман... Я, знаете ли, человек полностью сухопутный, однако моряков уважаю чрезмерно. С раннего детства.

– Спасибо.

– Не за что... Потом, при случае, расскажу эту историю...

– С удовольствием послушаю.

– Мне вообще-то на трамвай. А вам?

– Лично я никуда не спешу и охотно составлю вам компанию. Если вы, конечно, не возражаете.

– Нет. Не возражаю... А вот и наша «Аннушка»...¹² Нука, мой юный коллега, подсобите, пожалуйста, немощному больному человеку...

– С огромным удовольствием!

Плечов подставил ладонь под острый сухощавый локоть и, налегая сзади всей массой своего не самого грузного тела,

¹² Так любовно москвичи называли трамвай, следовавший по Бульварному кольцу (трамвайному маршруту «А»).

бережно толкнул «старца» вперёд, таким образом, помогая ему втиснуться в битком забитый людьми вагон, после чего сам едва успел вскочить на подножку.

– Вы тут? – донёсся до него бодрый голос Фёдора Алексеевича.

– Так точно!

– Сдюжите?

– Попытаюсь!

– Долго терпеть вам не придётся – всего три остановки. Кстати, приготовьтесь, – скоро первая из них. Там к нам будет пытаться присоединиться ещё большее число народу...

– Хорошо.

Всё случилось, как и предполагал профессор.

Десятки людей штурмовали старый московский трамвай, но взять «Аннушку» приступом так и не удалось: наглый студент, с трудом балансируя на узкой подножке, никого не выпустил и не впустил.

То же самое он проделал ещё раз через несколько минут.

А потом, наконец, покинул вагон вместе со своим преподавателем...

16

Обосновался Фролушкин, как оказалось, в поистине царских хоромаш.

Три комнаты, каждая из которых не менее двадцати пяти

метров. Потолки «заоблачные», как ни старайся – не достанешь.

Ярослав попытался сделать это, пока профессор ходил в туалет, но так и не допрыгнул.

Высота – метра четыре, а то и больше, при его росте в метр семьдесят заведомо оказалась недостижимой...

– Скажите, дорогой Фёдор Алексеевич, вы один здесь проживаете? – с удивлением, нет, даже с восхищением в голосе протянул студент.

– Так точно, дорогой мой, если выражаться вашим же военным слогом...

– Заблудиться не рискуете?

– Никак нет! Философ не может творить в узком, замкнутом пространстве... Ему простор нужен.

– А как же Диоген с его глиняной бочкой?

– Так ведь жил он в другое время и не в самом передовом государстве мира. Вот представьте себя в мизерной комнатке. Метров на десять – двенадцать...

– Это несложно. Я ведь всю жизнь в общаге маюсь. Шумгам, иногда – пьянки-гулянки...

– Вот-вот... Разве в таких условиях в голову могут приходиться дельные мысли?

– Обижаете, товарищ профессор...

– Извиняйте, кали¹³ что не так!

– Ну что вы...

¹³ Кали – если (белор.).

– И сколько человек разделяют с вами радость по поводу такого быта?

– Трое.

– Кто именно?

– Не важно... Вы их всё равно не знаете!

– Это почему же? Иногда я, знаете ли, вынужден почитывать лекции и на вашем курсе...

– Петров, Филатенко, Букейханов... Вам что-то говорят эти фамилии?

– Ну... Петровых у нас в институте, как и в целом по стране, пруд пруди, видимо-невидимо... Филатенко... Нет, не припоминаю... А Букейханов, по-видимому, какой-то родственник лидера казахского национального движения. Мы с ним (лидером, естественно) знакомы давно – лет десять, не меньше. Кстати, его хоромы похлеще моих будут!

– Возможно... Алихан не раз упоминал в разговорах о своём родном дядьке и его семикомнатных апартаментах в Большом Кисловском переулке.

– Вот-вот... Бывали мы в той квартире неоднократно... Что же это он, шайтан, не удосужился приютить бедного родственника? Хоть на время учёбы, а?

– Да шут его знает. Может, опасается за единственного племянника? Политика, особенно националистического толка – дело грязное, плохо пахнущее и почти всегда печально заканчивающееся. Особенно – в нашем рабоче-крестьянском государстве.

Последний абзац носил явно провокационный характер, имевший целью подвигнуть Фролушкина на очередные антисоветские откровения, однако профессор неожиданно запел совсем иную песню:

– Чего это вы вдруг принялись охаивать нашу родную социалистическую державу, молодой человек? Как раз я лично в данном вопросе целиком и полностью на стороне большевиков... Допустить в России национализм равносильно самоубийству. Ибо он непременно приведёт к фашизму.

– И... сепаратизму, – продолжил фразу Ярослав.

– Вы даже такой термин знаете?

– А что в этом удивительного?

– Мне почему-то кажется, что далеко не все ваши сокурсники понимают его значение. Может быть, потому, что не спешат знакомиться с новинками научной литературы, в том числе и зарубежной?

– Возможно.

– А вы сами успеваете следить за передовой философской мыслью?

– Думаю, да... Во всяком случае, высказывания Сабино Араны¹⁴ и реакция на них мирового сообщества мне хоро-

¹⁴ Сабино де Арана-и-Гойри (26.01.1865—25.11.1903) – идеолог баскского сепаратизма. Как по мне, такие высказывания – обычный, не имеющий национальности, фашизм. Не зря же Адольф Гитлер руководствовался его учением для написания своей печально известной книги «Майн кампф». Впрочем, в мире ничего не изменилось... Попробуйте заменить «бискаец» на «украинец», а «испанец» на «русский» – и получите готовую цитату какого-нибудь очередного «пат-

шо известны. – Студент улыбнулся и в который раз блеснул великолепной памятью, заранее предрекая самому себе очередной замечательный успех: – «Испанец еще ходил со сгорбленной спиной и на полусогнутых ногах, когда бискаец уже обладал элегантной походкой и благородными чертами лица. Бискаец – статен и мужественен; испанец же либо вообще не знает, что такое стать, либо женственен в своей внешности. Бискаец энергичен и подвижен; испанец – ленив и неуклюж.

Бискаец умен и способен во всех сферах деятельности; испанец глуп и тугодумен. Бискаец по натуре своей предприниматель; испанец же ничего не предпринимает и ничего не стоит. Бискаец рожден для того, чтоб быть сеньором, а не слугой; испанец же рожден лишь для того, чтобы быть вассалом или сервом¹⁵»¹⁶.

– Ну, у вас и память! – восторженно воскликнул Фёдор Алексеевич, целиком и полностью оправдывая самоуверенные ожидания студента. – От Бога или... долгие годы напряжённых тренировок?

– И то и другое. Природа может наградить человека невероятным, выдающимся талантом, однако не дать ему усердия, старания, наконец, неуёмного желания познавать исти-

риота», каких на Украине сейчас просто невероятное количество.

¹⁵ Серв – в странах Западной Европы в эпоху Средневековья – крепостной крестьянин, находящийся в личной зависимости от феодала.

¹⁶ Из выступления Сабино Араны на съезде Баскской националистической партии.

ну во всех её проявлениях – и всё, зачач исследователь, сдулся!

– Это ваша личная формулировка?

– Да.

– Кажется, из вас будет толк.

– Рад стараться... Возьмёте меня под своё большое крыло?

– Непременно, Ярослав, как вас по батюшке?

– Иванович.

– Чайку со стариком попьёте?

– С огромным удовольствием.

– Значит, я пошёл на кухню, а вы, чтобы не скучать, полистайте пока «Философикал мэгэзин»...¹⁷ Надеюсь, с английским у вас всё о'кей?

– Йес, сэр! Но лучше я немного поброжу по вашим хоромам. Можно?

– Не возражаю.

17

Ярослав аккуратно толкнул застеклённую внутреннюю дверь. В тот же миг квартира наполнилась нежным и мелодичным звоном, издаваемым десятками, нет сотнями колокольчиков, подвешенных к потолку вперемешку с диковин-

¹⁷ «Philosophical Magazine» – один из старейших философских журналов Великобритании.

ного вида небольшими фигурками, убранными в национальные белорусские одежды.

Плечов взял в руку одну из них и услышал сзади звонкий профессорский голос:

– Это «зерновушки»!

– Знаю. Мама ставила их под образами, дабы уберечь семью от голода... Не помогло. Все мои родственники умерли в начале двадцатых. Но не будем о грустном... Давайте наконец пить чай.

– Стоп... Стоп... Стоп... Вы откуда родом, коллега?

– Из Минска.

– А я из Несвижа. Земляк!

Фролушкин поставил на невысокий овальный стол явно ручной, но весьма топорной работы две большущие чашки, декорированные рисунками из знаменитой сказки Александра Сергеевича Пушкина «Руслан и Людмила», которые он держал перед собой, и, широко раскинув наконец оказавшиеся свободными невероятно крепкие для потомственного интеллигента руки, полез обниматься.

После чего, так и не прикоснувшись к дымящемуся напитку, снова повернул лицо к своей коллекции оберегов:

– А вон те, что из белых и красных ниток – «мартинички» – по имени месяца, когда их плетут, символизируют победу весны над зимой.

– По-понятно... – делая первый, наверное, слишком жадный глоток, поперхнулся студент. – Только по-белорусски

первый весенний месяц – сакавик. Следовательно, они должны называться сакавичками...

– Экий националист выискался! Март у славян был, есть и будет. Только в разных интерпретациях. По-нашему – «марец» или «марац».

– Сдаюсь... – пробормотал Плечов.

– Рядом – кукла «на здоровье», – как ни в чём не бывало продолжал Фёдор Алексеевич. – Такую фигурку белорусы клали на кровать рядом с больным человеком, чтобы она вбирала в себя всю плохую энергию, после чего её сжигали.

– А вон та, с узелком в руке?

– Это «подорожница». Ее брали с собой в дорогу, как оберег от любой беды. За ней – свадебные куклы, но о них, если вы не против, мы поговорим в следующий раз. Сахар принести или же вы так пить будете?

– Несите!

Профессор вышел на кухню и спустя всего несколько секунд поставил перед студентом целую вазу вожделенного золотого кристаллического продукта, изготовленного из свеклы, выращенной на их малой родине.

Славик схватил лежащий сверху самый маленький кусочек, лизнул его и блаженно закатил глаза.

– Да... Смачнина!¹⁸ А вы чего не пьёте?

– Сейчас, родный, сейчас... Дай наговориться – не каждый день в Москве земляка встречаешь!

¹⁸ Смачнина – вкуснятина (белор.).

– Согласен...

– А, может, останешься на ночь у меня? Посидим, поболтаем, пофилософствуем...

– В другой раз, – не без сожаления отказался Плечов, интуитивно чувствуя, что форсировать события в новом для него секретном деле никак нельзя. – На завтра нам задана масса нового материала. А я ещё не брался за учебники...

– Ой, юлишь ты – по глазам вижу! Знать, какая-то зазноба ждёт тебя не дожждётся!

– И это тоже! – лукаво прищурил глаза Ярослав, вспоминая свою Оленьку, свидание с которой через час...

18

Вторник пролетел незаметно.

С головой окунувшись в науку, Ярослав совершенно забыл о своей второй (потайной) жизни и только в среду, да и то на последней переменке, вдруг вспомнил о запланированной встрече со своим куратором.

Засуетился, затревожился и начал искать глазами старосту, чтобы отпроситься с заключительной пары. Благо тот находился рядом – с недавних пор парни крепко сдружились и старались не расставаться всё свободное от занятий время.

– Колян, через час у меня свидание...

– А как же Оля? – с явно осуждающими интонациями во вдруг потускневшем командирском голосе, прохрипел Ни-

колай, по долгу службы пребывавший в курсе амурных дел чуть ли не всех своих сокурсников.

– Она ничего не должна знать, – заговорщически прошептал Плечов. – Всё ясно?

– Так точно...

– Если хватятся – скажешь, что отпустил меня писать сценарий...

– И что мне за это будет?

– Чекушка!¹⁹

– Так ведь я не пью.

– Заставим!

– Понял... Разрешите откланяться?

– Валяйте!

– Есть! – староста издевательски приложил ладонь к виску непокрытой курчавой головы и бегом помчался в аудиторию, при входе в которую уже образовался небольшой затор.

Налёг крепким телом на последнего из жаждущих посетить лекцию – и силой втолкнул толпу в просторное помещение.

Ярослав тем временем забрал в гардеробе верхнюю одежду и устремился в направлении Кремля.

¹⁹ Русская мера жидкости (в данном случае – алкоголя), составляющая $\frac{1}{50}$ ведра.

На явочной скамье живо беседовали две изящные молодые дамы, будто только что сошедшие с плакатов периода Новой экономической политики.

Настоящие нэпманши – стильные, балованные, ярко, можно даже сказать, вызывающе раскрашенные.

По крайней мере именно таковыми эти карикатурные персонажи отложились в памяти Плечова, воспитуемого на шедеврах советского агитпропа.

Приталенные пальто с отороченными мехом рукавами и воротниками, на ногах – фирменные шевровые ботильоны – явно зарубежного производства...

Для полноты картины не хватало только мерзких буржуазных шляпок на юных головках, но тому существовало логичное объяснение – мороз!

Милые, очаровательные юные лица были почти полностью окутаны кружевными пуховыми платками, из-под которых наружу вырывался густой, чуть ли не молочный, пар.

– Что, хороши крали? – раздался сзади вкрадчивый, убаюкивающий голос.

– Да уж, – не озираясь, согласился студент. – Таких даже в Москве не каждый день встретишь!

– Это Маруся и Нина. Только не раскатывай зря губы – не по Сеньке шапка, не по Хуану сомбреро!

– Это почему же? – обиженно надул щёки Ярослав.

– У каждой из них зарплата в несколько раз выше, чем у наркома НКВД, не говоря уже о твоей стипендии! Героини труда, стахановки, для них в Кремле перед Новым годом организовали какое-то исключительное представление...

– Нам туда нельзя?

– А ты как думаешь?

– Не знаю, – пожал плечами совершенно растерявшийся Ярослав.

– Слушай и запоминай. – Пряча лицо в огромный воротник дорогого импортного пальто, Глеб Иванович обнял за талию временно потерявшего голову Плечова, по-прежнему не сводившего с прелестных созданий восхищённых глаз, и повёл в глубь сквера – так сказать, подальше от греха. Барышни, покорённые неподдельным вниманием симпатичного, на их взгляд, молодого человека, помахали вслед ему ручонками и звонко рассмеялись.

– Нас никто и никогда не должен видеть вместе, особенно это касается общих знакомых, – быстро удаляясь от них, продолжил Бокий.

– Понял.

– Даже эти безобидные кокетки могут нанести нашему делу непоправимый вред.

– Каким образом?

– Вот представь, что одна из них в скором будущем познакомится, например, с твоим бывшим сослуживцем...

– Пчеловым?

– Хотя бы с ним...

– И что?

– Тот пригласит подруг на вечеринку, где по случайному совпадению окажется кто-нибудь из нас двоих...

– То есть либо я, либо вы? – предпринял попытку напрячь мозги и с ходу «врубиться в тему» агент.

– Давай остановимся на тебе, ибо такой вариант более вероятен – у меня всё-таки работа, возраст, посему желание гульнуть с недавних пор отсутствует напрочь.

– Давайте!

– «Где-то мы уже видели этого красавца!» – решат Маруся с Ниной. И непременно поделятся своими подозрениями с Пчеловым. А тот, ты уж поверь мне – старому волку, вытряхнет из них всё, слышишь – всё, что им известно. До последней капли! После чего сделает должные умозаключения касательно твоей роли в нашей работе. А о ней не то, что знать, – подозревать никто не должен.

– Но ведь мы знакомы. Поэтому полностью исключать факт абсолютной непреднамеренности нашей встречи не может даже такой «выдающийся мыслитель», как Славка, – с мастерством опытного философа, выложил свои аргументы студент.

– Согласен. Один раз – можно, но два-три – это уже не случайность, а закономерность, так, кажется, считает философская наука?

– Так.

– Чем больше времени пройдёт до первой заставки – тем лучше. Для нас обоих... А теперь докладывай, что там у тебя? Контакт с профессором установил?

– Так точно. Даже дома у него побывал! Впечатление такое, будто вернулся на родную землю, окунулся, если можно так сказать, в прошлое... Короче, ненадолго впал в детство.

– И чем вызваны такие ассоциации?

– Обстановкой в квартире. Куклы, колокольчики, прочая мишура, одним словом, культ. Культ всего белорусского!

– Фролушкин страдает национализмом?

– Нет, что вы. Скорее обычной ностальгией, вызванной воспоминаниями об ушедшей юности. Сытой и весёлой, какой у меня лично, никогда не было.

– По сытости и весёлости ностальгии не бывает. Это тоска по Родине, дружок.

– Возможно, Глеб Иванович, вполне возможно... Да, совсем забыл, профессор предлагал остаться у него на ночь, но я отказался.

– Боишься?

– Чего?

– А вдруг он предпочитает исключительно мальчиков?

– Вы о чём, товарищ комиссар?

– Да так... В общем, отказался – и правильно сделал. Бежать впереди паровоза – не самое благодарное занятие. Подождём, когда он сам прибудет в заданную точку. Согласно

расписанию.

– Вот-вот... И я об этом подумал!

– Но долго раскачиваться тоже нельзя. Времени у нас в обрез.

– Гм... Похоже, что вы, как и Фролушкин, poznали Господа Бога.

– Куда нам, грешным? Кстати, что тебя подвигло на столь неоднозначный вывод?

– Только Всевышнему известно, сколько нам отпущено...

– Да я не об этом... В Европе давно попахивает новой большой войной, выиграть которую мы сможем только в том случае, если успеем очистить страну от всех внутренних врагов. Иначе растопчут нас господа империалисты, и следа не останется! А этого допустить нельзя.

– Скажите, а Фёдор Алексеевич в этом списке есть?

– Каком списке?

– Ну... Врагов народа.

– Я ещё не знаю. Впрочем, попадёт он туда или же нет, во многом зависит от тебя.

20

По дороге в общежитие Ярослав купил свежую «Вечернюю Москву», на ходу развернул газету и едва не обомлел.

Прямо на него глядели две пары горящих глаз, принадлежащих, как оказалось, обворожительным работницам Ста-

линградского тракторного завода Марусе Макаровой и Нине Славниковой, снятым во время посещения Большого театра.

В элегантных шёлковых платьях, в туфлях на каблуках!

Так вот кого он встретил у стен древнего Кремля!

Плечов свернул газету в трубочку и двинул в обратном направлении – в библиотеку к Оленьке.

К счастью, на сей раз в читальном зале не оказалось больше никого – Новый год на носу!

Сначала они долго толковали с глазу на глаз в том самом тёмном углу, где Фигина обнаружила материалы о происхождении знатного рода Радзивиллов, а потом, набравшись смелости, и вовсе отпросились ненадолго погулять...

Наталья Ефимовна – старшая смены – не возражала.

Влюблённые взялись за руки и понеслись в сторону исторического центра вдоль широкого московского проспекта по недавно благоустроенному тротуару, едва не налетев при этом на ещё одну молодую парочку.

– Простите... – по инерции пролепетал Славик и осёкся, признав в парне... своего бывшего сослуживца Пчелова.

Да-да, это снова был он!

Правда, внешне Вячеслав больше напоминал не отечественного рыцаря плаща и кинжала, а великосветского ловеласа.

Ну, самый настоящий барин!

Тяжёлая шуба из натурального меха на широченных плечах, шнурованные итальянские ботинки, входящие в моду в

среде профессиональных альпинистов, к числу которых чекист никогда не принадлежал, тёплая, лохматая шапка из какого-то диковинного заморского зверя...

Рядом с ним – изящная барышня чуть старше двадцати с огромными, чистыми глазами «на пол-лица» и великолепной открытой улыбкой.

– Знакомьтесь, это Евдокия Викторовна, – представил свою спутницу Вячеслав и подмигнул – да так, что студенту окончательно стало ясно – о службе своего товарища в органах ему лучше не заикаться. – Знатная стахановка, кавалер ордена Ленина!

– Да это же Дуся Виноградова! – радостно завизжала Оленька. – Знаю, знаю! Знаменитая ткачиха Вичугской фабрики имени Ногина.

– Спасибо! – зарделась стахановка, справедливо принимая за комплимент её слова. – А вы? – она, не мигая, уставилась на Ярослава.

– Я – Славик! – смущённо пролепетал тот. – Мы с этим оболтусом, – вспоминая характеристику Бокия, он хотел добавить «тёзки и почти однофамильцы», но вовремя спохватился (кто знает, каким именем назвался лейтенант!) и, краснея, продолжил: – Играли вместе в футбол.

– С оболтусом? Как по мне, Иван Константинович вполне уважаемый и респектабельный джентльмен, если вам, конечно, известны такие слова... Кстати, милочка, почему раньше ты ничего не рассказывал мне о своём увлечении? – Она

скривила нежные губки, видимо, пытаясь изобразить если не обиду, то лёгкое сожаление по поводу своей недостаточной информированности и сразу расцвела очередной лучезарной улыбкой.

– Каком? – удивился Пчелов.

– Футболом!

– А... Давно это было. Во время нашей службы на Северном флоте.

– Ты ещё и служил? – восторженно протянула Дуся и неожиданно предложила: – Может, погуляете с нами?

– С огромным удовольствием! – мысленно хваля себя за осмотрительность, поспешил согласиться Плечов.

– Только недолго! – уточила его пассия. – Я ведь на работе.

– И где вы трудитесь, если не секрет?

– В библиотеке МИФЛИ.

– МИФЛИ... Что это за чудо?

– Московский институт философии литературы и истории, в котором обучается ваш покорный слуга! – с гордым видом расшифровал аббревиатуру Плечов.

– Значит, мы с вами коллеги-студенты. Я ведь тоже учусь!

– Где?

– В Промышленной академии имени Молотова.

– Вот и славно! – подвёл черту лейтенант. – Ну, пошли, что ли? Перекусим где-нибудь поблизости...

– Куда ты поведёшь нас сегодня, милоч?

– В закусочную на Охотном Ряду.

– Ура!!! – захлопала в ладоши Ольга, у которой давно бурлило в животе – с утра девушка ещё ничего не ела.

Впрочем, как и её возлюбленный.

21

У входа в популярное питейное заведение толпилась уйма народа.

– Отгадайте загадку, – один хвост и много яиц? – предложил Пчелов и, не дожидаясь ответа, разъяснил: – Мужики в очереди за пивом!

Ярослав громко рассмеялся, а вот дамы сочли шутку пошлой, неуместной и дружно надули щёки.

Но ненадолго.

– Подождите здесь, я всё улажу, – мысленно коря себя за бестактность, Пчелов решил немедленно загладить вину и принялся барабанить в дверь служебного входа.

– Вам кого? – после долгого ожидания донеслось изнутри.

– Заведующую!

– Афанасьевну?

– А то кого же!

– По какому делу?

– По личному. Открывай быстрее, герой труда ждёт!

Лязгнула задвижка, и спустя мгновение, невысокая, пухленькая женщина в уже не очень белоснежных чепчике и

фартуке (всё-таки последний день в её недельной смене) повела Пчелова по заставленному бочками тёмному коридору.

«Жигулёвское», «Русское», «Московское», «Мартовское», «Портер» – по цветным этикеткам на ходу изучал ассортимент закуской ретивый служитель закона. Впрочем, особой надобности в этом не было – Вячеслав уже не раз бывал здесь.

Вдруг, словно из-под земли, на их пути выросла ухоженная блондинка средних лет.

– Иван Константинович, дорогой! Где же вы так долго пропадали?

– В заграничной командировке...

– И много прибыли принесли нашему славному Внешторгу?

– Достаточно. Нам бы столик на четверых.

– Ой, даже не знаю, что вам сказать – забито под самую завязку...

– А вы напрягитесь, Наденька...

– Может, соблаговолите в подсобку? Там мы собираемся иногда рабочим коллективом. Тесновато, конечно, зато никто не будет мешать.

– Премного благодарен...

– Пить что будете?

– Без разницы. Два светлого, два тёмного и что-нибудь к пивку – только быстро: мой товарищ... известный философ, очень спешит.

– Всё сделаем по высшему разряду.

– Спасибо, Афанасьевна.

– После благодарить будете.

– Понял, – оскалил ровные зубы лейтенант, мысленно определяясь с суммой чаевых, на которые он обычно бывал щедр.

Вскоре вся компания собралась в небольшом уютном зале, где уже был накрыт стол. Тарелка с тонко нарезанным «Советским» сыром, накануне доставленным с Алтая, несколько астраханских вобл и конечно же свежее пенистое пиво в новеньких полулитровых кружках с серпом и молотом.

Молодёжь дружно накинулась на еду.

Через пять минут на столе остались только пустые бокалы да рыбы кости.

– Повторить? – вставив основательно припудренный носик в узкую щель между коробкой и незапертыми дверьми, поинтересовалась заведующая.

– Ни в коем случае, – запротестовала Дуся. – У меня сегодня важная встреча!

– А мне уже пора на работу... – поддержала её Ольга.

– Как знаете, – фыркнула начальница, собираясь уходить. – Иван Константинович, прейскурант на столе!

– В курсе, – оскалил белоснежные зубы Пчелов. – С вашего позволения, ещё два «Русского» – и привет.

– Будет сделано, мой дорогой. Деньги оставьте на столе, а

сами – через чёрный ход.

– Спасибо, Наденька...

22

– Ну что, будем прощаться? – оказавшись на улице, предложил Вячеслав.

– Пожалуй, – неохотно согласился Ярослав, которому совершенно не хотелось расставаться; жаль, конечно, что любимая больше не может составлять им компанию, но ведь он-то, он – сегодня совершенно свободен! – Куда вы дальше?

– В сторону Кремля...

– Так, может, я проведу Ольгу и...

– Нет уж, хорошего – понемножку! – поставила крест на его надеждах Фигина. – Сегодня я тебя больше никуда не отпускаю.

– Понял, – тяжело вздохнул Плечов. – Что ж, други, бывайте! Следующая пирушка, по законам жанра, – за мной.

– Ой, не знаю, когда ещё мы сможем собраться в таком составе, – лукаво прищурила огромные глаза Дуся Виноградова. – Скоро сессия окончится – и мы с сестрой уедем на родину. А Иван Константинович, насколько мне известно, уже завтра отбудет в очередную заграничную командировку. Не так ли, милоч?

– Совершенно верно, – немедленно подтвердил Пчелов. – Однако мы обязаны предоставить моему другу шанс про-

явить ответное гостеприимство. Согласна?

– Конечно. Но только после всех новогодних праздников.

Ориентировочно – числа тридцатого января.

– Вот и славно! – подытожил студент, протягивая руку.

23

«А ведь на месте Дуси запросто могла оказаться одна из тех пигалиц – либо Нина, либо Маруся...

Как в воду глядел комиссар Бокий.

Вот что значит чекистский опыт, оперативная смекалка!

Следовательно, мне тоже пора оставить в прошлом все, как метко заметил Владимир Ильич, “детские болезни”, и начать относиться к своему новому делу с высочайшей степенью ответственности и профессионализма.

Иначе враги раскусят вас, товарищ секретный агент, при первом удобном случае!»

24

Новый год праздновали бурно.

А разве могло быть иначе в удалой студенческой семье?

Пели, плясали, веселились до самого утра. Сначала – в институте, затем – в общежитии, где далеко за полночь собрался узкий круг «единомышленников», в числе которых

все до одного оказались стойкими холостяками.

Хотя столы ломились от спиртного, в крупную попойку празднество так и не переросло: 1 января – рабочий день. Хошь не хошь, а занятий никто не отменял.

Поэтому Альметьев и Букейханов, тянувшие на красные дипломы, вообще не пили ничего, кроме газировки.

Лишь Петров основательно приложился к горлышку. Но был при этом абсолютно трезв. Ему что литр, что два – всё по барабану!

Плечов к водке и раньше относился, как он говорил «равнобедренно», а вот перед игристым «Абрау-Дюрсо», целый ящик которого любимому племяннику – Володьке Филатенко – накануне праздника припёрла любимая тётка, работавшая технологом винодельческого совхоза под Новороссийском, устоять не смог – опорожнил бутылки две-три – не менее.

И теперь у него страшно болела голова.

– Что они добавляют в этот адский напиток? – бормотал Ярослав, очнувшись последним из всех участников щедрого застолья – в аккурат за час до начала первой пары. – Только сейчас до меня дошло, сколь тяжело наследие проклятого царизма...²⁰

²⁰ Абрау-Дюрсо – удельное имение, принадлежавшее царской семье. Игристые напитки под такой торговой маркой известны с 1870 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.